

ВСЁ ЕЩЁ ВОЗМОЖНО...

* * *

Куда меня везет «двенадцатый» трамвай?
Опомнись, оглянись – к Некрасовскому рынку...
Знакомые места. Как в юность ни играй,
Совсем другой мотив тягучая волынка
Выводит... Мхом оброс и ракушкой мешок
Шотландского шитья, наполненный дыханьем.
Ну что там – липов цвет набрать на посошок?
А может быть, сирень? С пугающим стараньем
Волынщик мой гудит... Все ниже, ниже звук,
Всё тоньше, тоньше нить, но всё острее зренья
Привязчивой души, свой обошедшей круг,
Но неспособной жить, как зверь, вне мест рожденья.

* * *

В промёрзшем Купчине, в простуженном, в навывлет
Проветренном, в продрогшем навсегда,
В промёрзшем Купчине, где снег на рельсах стынет
И замерзает на лету вода,
В промёрзшем Купчине я столько бедовала
С большим ребёнком, а потом с двумя...
Стихи писала, ссорилась, рыдала,
Три тыщи книг в болезных прочитала,
И против доли женской бунтовала...

...А оказалось – счастлива была.

* * *

Дорога забылась иль смылась, как грим,
И двор проходной оказался глухим.
Заминка. Зачем я свернула поспешно
Не в ту подворотню? Брандмауэр слеп.
И двор не колодец, скорее, а склеп,
И нежилью пахнет, как в старой скворешне.
Не память подводит, а время... И винт
С резьбой в разладе. Ушной лабиринт
Другую тональность в уме подбирает.

Покуда я выберусь... Но Минотавр
С улыбкою дикой, как оперный мавр,
«Молилась ли?» – шепчет. И горло сжимает.

Рождество

Снова хвойный дух растревожил твоё нутро –
Так внезапно врезается в кожу болотный осот.
Видно, там и гнездится душа, где изъято ребро,
Потому как не только природа не терпит пустот.

Потому как хоть раз в году пропади и сгинь,
Бросив оземь нажитый трудно свой скарб земной.
Если слишком много проблем, то считай, что их нет – аминь! –
Кроме той, одной, для которой был создан Ной.

Ведь вступив в эту воду раз, не войдешь в другой.
Только в детстве думаешь – в жизни всё навсегда.
Поменяй глагол на тире, как «олим» на «гой»,
Поменяй и смотри, как блекнет к утру звезда.

День военно-морского флота

Октябрь уж наступил, как слон, на ухо лету,
Хоть на дворе июль струится и поёт,
И мальчик, дожевав дежурную котлету,
Боится прозевать всептичий перелёт.

Рябины рыжей гроздь, до времени созревшей,
Печалит и клонит о вечном размышлять,
И горестно пиит твердит о наболевшем,
Хабарик мнёт в горсти и шепчет: «... твою мать!...»

Я так тебя люблю, мой милый, что напрасны
Все доводы ума, мораль и прочий вздор,
И, как могу, таю от ока, ежечасно
Сулящего забвенье, гибель и разор.

А горло жжёт печаль очередной разлуки,
Вплетая давний вкус в истёртую канву,
И размыкает даль сомкнувшиеся руки,
Тишком входя в судьбу, как корабли в Неву.

Столичный житель мой, любовь провинциальна,
Как этот город, как парады на воде,
На скорости другой она живёт печальной
Стрельчихой без стрельца в забытой слободе.
И ходит за скотом, и ткёт холсты прилежно,
Смиреница... Персты бы только крепче сжать!
Октябрь уж наступил так искренно, так нежно,
Как дай вам только Бог, коль Он захочет дать...

* * *

Вот он, кармический узел, потуже того, что Гордий
Предлагал оппонентам... Рыдай теперь двое суток –
Ишь, как стягивается! Как точки, на кратчайшей, должно быть, хорде.
И рубцы с каждым днем отчётливей, сам посмотри, кроме шуток!

И каким усилием снимается, и каким неперменным уроком –
Кто б сказал? О, какой Геракл намекнул хотя бы,
Сколько нужно терпеть, и каким избывается сроком
И какую болью обыденной дыбы, дабы

В наших следующих – поуспешнее – перерожденьях,
Никогда и нигде не приметили чтоб друг друга,
Чтобы разные страны сменялись во всех хожденьях-вожденьях,
Сферы жизни и прочие, скажем так, формы досуга...

Но боюсь, как зверей, что чуют друг друга за километры,
Нас потянет всё с той же давно наработанной кармой
Разбираться дальше – хоть в ураган сольются все ветры,
Но не выдуют из ноздрей ни запах борьбы, ни жар твой, ни жар мой.

* * *

Моей подружкой был бы самой лучшей,
И знал бы все дела мои и тайны,
И так бы утешал меня прилежно
В несчастьях и в романах бесконечных,
Извилистых, как тело танцовщицы,
Как на ладони линии судьбы,
И столь же безнадёжных, как погода
Для высеванья выгодных озимых
В нечернозёмной нашей полосе...

Так нет!
Полез зачем-то целоваться
И все испортил!
Вот какой дурак...

* * *

Теперь и улицу эту себе не представить без случайной встречи
На одном и том же по-гоголевски заколдованном месте
У газетного киоска с усатым хлопцем в окошке времён Запорожской сечи –
Что за сладкое чувство вины набухает общею кровью, как при инцесте?

Безответная дружба бывает ли, юный мой друг, скажи мне?
И на что она всё-таки, если бывает, бывает похожа?
О, как фальшивят два слога в дряхлом, как юность Эллады, гимне,
Славящем душ и умов слиянье, а вовсе не тел и кожи.

Ах, как фальшивят они, как сияет фиксою это
В белозубой улыбке жизни искреннее подвирание,

Так хромает привычная форма у псевдосонета,
Так безупречный торс в мастерской бутафорски венчают рванью.

В этой разрухе, витающей в воздухе, словно
Вирус заморского гриппа иль палочка старомодной чахотки,
Не остаётся сил следить за новой весною, любовно
Заметающей снегом единственность каждой своей походки.

Не остается времени видеть, как вновь трудолюбивым мулом
Провиденье залатывает щель, возникшую между
Здравым смыслом и тем, как звенит саранчовым назойливым гулом
Перерезаемая ходом трамвая, но выживающая вопреки всему надежда.

* * *

Потерявши скальп, не плачут по волосам,
Потерявши клан, не хнычут: народ, мол, зверь,
И пока медовуха течет по твоим усам,
Сам найдёшь, что ответить, найдёшь, что сказать, поверь.

Сам поймёшь, чем встретить тяжёлый прищур зимы,
Снег в запавших глазницах и в оспе морозной твердь,
И пока хороши блины у любой кумы,
И пока лишь с чужими внезапно случается смерть,

Всё ещё возможно, ещё поправимо, как
Поправима глина до обжига, как зима
Поправима весной. Не упрямясь, отшельник-рак.
Лишь любовь непоправима, незряча, нема...

* * *

То, от чего в двадцать лет рыдаешь
и жить не хочешь, о Боже правый,
в пятьдесят если и вызовет слёзы,
то лишь от смеха,
потому что давно уже всё отклассифицировано:
все обманы, а также отравы
рядом с противоядиями по полкам расставлены.
И любая помеха, прореха
тут же будет заштопана
или долгом твоим перед ближним,
или иронией,
или обязательствами перед —
бери-ка, мой друг, повыше!
И такая тоска вдруг нахлынет,
как в Заречье, в каком-нибудь Нижнем,
беспросветная —
наперёд всё знаешь:
где прохудится крыша,
и какая спица вывалится в велосипеде,
и какая курица в лаз удерёт к соседям,

что и жить не хочется дальше,
и то же отчаянье, то же,
как в какие-нибудь двадцать лет,
когда всё – впервые,
и в кармане твоём свежий
незахватанный вовсе ещё билет
на проезд
на все виды транспорта
на всех континентах мира,
когда цель, как у Бога –
любовь,
а не как у лысого члена СП –
полудохлая
коммунальная лира.
Когда то, что твой друг обронил
между прочим о фигуре твоей – важнее
и Монтеня опытов
и Нострадамуса предсказаний,
когда небо – синее,
а весенняя зелень – нежнее,
когда ещё не знаешь,
что нет в этом мире ничего нужнее
обыкновенных
невзрачных,
непрощенных
наших
страданий...

* * *

Т.К.

Исчисляя жизни знаковое письмо,
Продираясь к лику сквозь луковую шелуху личин,
Обнаруживаешь: настроенье исправляется вдруг само,
Вне любых понятных сознанию причин:

То ли удача такая, что меньше магнитных бурь,
То ли звонков особых больше хоть на один,
Замечаешь вдруг в небе лермонтовскую лазурь,
А на земле – вполне терпимых мужчин.

Чёрт его знает, отчего наше сердце вдруг начинает петь,
Оттого ли, что химия жизни сдвинулась, оттого ль,
Что каких-то соединений стало больше на четверть или на треть,
Оттого ль, что несчастья вконец отвердела мозоль?

* * *

Выбирай между мраком и тьмой,
Выбирай между мором и гладом,
Между Питером и Ленинградом,
А ещё меж тюрьмой и сумой.

Заговаривая зубы себе надёжным, как страховка, «верьте!»
А может быть, «верую»? Откуда покуда нам знать
Эти тонкости, нам, до поры не ведающим, каково там на самом деле
бывает,
Даже если, как сало из нутра Каштанки, тебя доктора за ниточку
вытягивают вспять,
даже если чувство времени насквозь тебя продувает...

* * *

А что останется? Две-три, ну, пять прогулок,
Канал, решётка, запах вод сырой,
И неприметный этот переулок,
И небо с вечно-серой пеленой.

Все так законченно и так угодно глазу –
Природы с городом – мираж? слиянье? блажь?
И вспоминаешь пришвинскую фразу
О родине...

Она всегда – пейзаж...

* * *

Памяти О. Бешенковской

Невнятица словес и быстрый наговор,
Грамматики разлад – фальшивит пианино,
Но на таких как раз судьбе наперекор
Играет мудрый джаз, когда душе пустынно.
Вот на таких, где сдвиг на звуке, на струне,
На клавише – в зазор вмещается пространство
Судьбы, души, любви и счастливо вполне,
И дышит, и живёт геройством новых странствий.
Пока хрипит трубач и пианист горазд
На трелях выжимать единственную ноту,
Пока трубит трубач, пока играет джаз,
Пока блестят лицо и лысина от пота,
И пузырится звук, вскипая на губах,
И рвётся из-под рук, и стонет в новой гамме.
И стих, как этот джаз, с гармонией в ладах,
С капризами судьбы и с терпкими словами.